

А ДЛЯ ЗВЕЗДЫ, ЧТО СОРВАЛАСЬ И ПАДАЕТ... (воспоминания о Ю.Н.Руденко)

Игорь Ушаков,
Сан-Диего, США

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Говорят, что с годами все труднее найти настоящего друга. Но вот мне посчастливилось встретиться и подружиться с Юрием Николаевичем Руденко, когда каждому из нас было уже далеко за сорок... И он стал для меня лучшим другом – преданным, искренним, интеллигентным... Тем более трагичен для меня был его преждевременный уход...

Мне хотелось бы поделиться своими воспоминаниями об этом замечательном человеке, который для многих был образцом неповторимой честности, несгибаемой принципиальности и самоотверженного труда. Мне не хочется вовсе превратить эти воспоминания в оценку его профессиональных достижений и его вклада в развитие советской энергетики. Я хотел бы вспомнить несколько ситуаций, которые показывали бы его с «человеческой» стороны, если хотите, в его повседневной, а не только профессиональной жизни.

Впервые я услышал о Ю.Н. в Болгарии от одного из его ближайших друзей – профессора Петера Тошева, с которым они учились вместе еще в институте в Ленинграде. Тот дал мне адрес Ю.Н. и сказал, чтобы я непременно с ним связался, так как может оказаться, что это будет интересно и полезно для нас обоих. И он оказался прав. Вернувшись из Софии, я сразу же послал письмо Ю.Н., ответ от которого получил немедленно. (Те, кто его знал, помнят, что Ю.Н. был весьма пунктуален.) Вскоре он приехал в командировку в Москву, позвонил мне вечером домой и мы договорились о встрече на следующий день у меня дома в 8:30 утра. Однако в 7 утра меня сдернул с постели звонок из секретариате директора моего института (работал я в одном из предприятий военно-промышленного комплекса): меня срочно вызывали по поводу каких-то проблем на испытаниях аппаратуры. Не проснувшись как следует, второпях одевшись, я помчался на работу и ... начисто забыл о встрече с Ю.Н.!

Пришел я домой уже после восьми вечера и мне домашние сообщили, что ровно в 8:30 пришел Ю.Н., был явно обескуражен моим отсутствием и, оставив записочку со своим телефоном, ушел. Вы понимаете, как он – всегда предельно точный и даже чрезмерно аккуратный по части встреч – отреагировал на мое разгильдяйство. Ведь мог хотя бы домашних попросить извиниться за мое отсутствие из-за неожиданного вызова на работы!

Итак, начало наших отношений складывалось хуже некуда. Я тут же бросился звонить ему по оставленному телефону, встретил холодный и достаточно жесткий голос, сожалеющий, что мы не сможем встретиться, поскольку завтра утром он улетает в Иркутск. На улице лил проливной дождина... Стоя у окна во время разговора, я видел, что на улице напротив моих окон на стоянке такси стояло две машины. Я сказал, что не все еще потеряно и я буду у него через 20 минут. Он хмыкнул, дал мне адрес и сказал, что хорошо будет, если я приеду через час: он сам

ехал ко мне на такси минут 30. Я рванулся к двери (азарт проснулся), без зонта, мокрый влетел в такси и сказа шоферу, чтобы он мчал во всю прыть, за скорость – трешку сверху. Мы мчались, не глядя на светофоры, которые мутными пятнами светились вдали – «дворники» едва успевали сметать бурные потоки дождя... Благо, что в такую погоду любителей кататься на машинах и ходить по улицам почти не было. Мы домчались меньше, чем за 20 минут...

Это несколько исправило мою репутацию в глазах Ю.Н., хотя «отрабатывать» потом пришлось долго! Поговорили, чуток выпили, потом попили и чайку... Между нами как-то сразу установился необычный душевный контакт. (В таких случаях, о подобных встречах с особями противоположного пола говорят о любви с первого взгляда.) Начало дружбе было положено.

Он пригласил меня на свой семинар на остров Ольхон. Я с удовольствием согласился: давно мечтал хоть одним глазком взглянуть на Байкал.

Ю.Н. Руденко и автор (слева)

СЕМИНАР НА ОЛЬХОНЕ

Получил приглашение от Ю.Н.: лечу на свой первый семинар в Иркутске, да еще на Байкале! Спросил про погоду, про форму одежды. Первая – отличная, вторая – произвольная... Так и решил: лечу с рюкзаком, в ковбойке и джинсах, на всякий случай – свитерок (ведь все же Сибирь, что ни говори!).

Прилетел. Схожу с самолета. «Ваши документики!» Ну, не спеша снял рюкзак, порылся в нем, достал паспорт. «По какому делу?» – «Да вот, товарищ, еду к другу, директору СЭИ...» Чувствую, что переборщил слегка с одежкой... Можно было бы и пиджачок

нацепить – вон приличную же публику не шмонают! Смотрю, вот-вот с милых милицейских уст сорвется знакомое: «Тамбовский волк тебе товарищ!»

Тут вдруг из вечной аэропортовской толчеи возникает Ю.Н., показывает свое удостоверение и берет меня «на поруки». Я спрашиваю (но очень-очень миролюбиво – ведь власти не любят качающих права): «А в чем дело-то?» – «Да вот убёг тут уголовничек один, рецидивист. По описанию шибко на вас смахивает...» Повеселились мы потом с Ю.Н.!

Пужинали у него дома, чем Бог послал. (А посылал тогда бог в Сибири не густо: что-то не любил старикашка этого прекрасного края... А вот то, что шло помимо бога, через обком, тем Ю.Н. принципиально не пользовался, чем вызывал неудовольствие власть предержащих: кто же любит белых ворон!)

Рано утром поехали в Листвянку, а оттуда на институтском «крейсере» на остров Ольхон. Там уже разбит палаточный лагерь, и «конференц-зал» – тент, под которым размещались, прячась от жаркого летнего сибирского солнца, «конференнты».

«Конференц-зал» (семинар на Ольхоне)

Уже на утро, на первом же заседании, произошел интересный эпизод. Конечно, главной фигурой этого эпизода был Ю.Н. Выступал один начинающий быть известным специалистом в области надежности в энергетике человек. Фамилию не забыл, но зачем вам она, а? Так вот, сообщает он нам о расчете резервированных трубопроводных систем. Понесло его немного «не в ту степь». Закончил. Стоит чуть ли не в смокинге, подвязан «галстухом».

Млеет от жары, но горд. Вопросы. Я замечаю ему: «А вот та формула у Вас неверна...» – «Как не верна? Эта формула взята из Справочника по надежности Ушакова!» – «Ну, и у Ушакова бывают ошибки... Главное, что эта формула применена у вас неправильно...» – «Что вы мне тут говорите! Я уже три года занимаюсь проблемой надежности!» В этот самый момент Ю.Н., пряча, как всегда, улыбку в усах (которых у него отродясь не было), говорит: «Успокойтесь, Аристарх Евлампиевич (допустим так звали того будущего специалиста). Обсудите этот вопрос после заседания в рабочем порядке с профессором Ушаковым...» – и сделал жест рукой, как бы

представляя меня. Зал (если так можно назвать пространство под навесом), грохнул от смеха. Но Аристарх был молодец, заржал и сам.

Столовая (семинар на Слюдяных озерах)

Вот так Ю.Н. свел на нет ситуацию, которая могла дойти до «интеллектуального мордобоя»... Вообще нужно сказать, что уметь быть серьезным председателем конференции и внезапно находить эффектные и в то же время эффективные ходы было отличительным свойством Ю.Н. При этом он все делал так, что человеческое достоинство ни одной из сторон никогда не было затронуто.

*Одна из немногих минуток отдыха (семинар на Слюдяных озерах):
Руденко, Зиночка и Слава (Ушаков-младший)*

КРУИЗ ПО БАЙКАЛУ

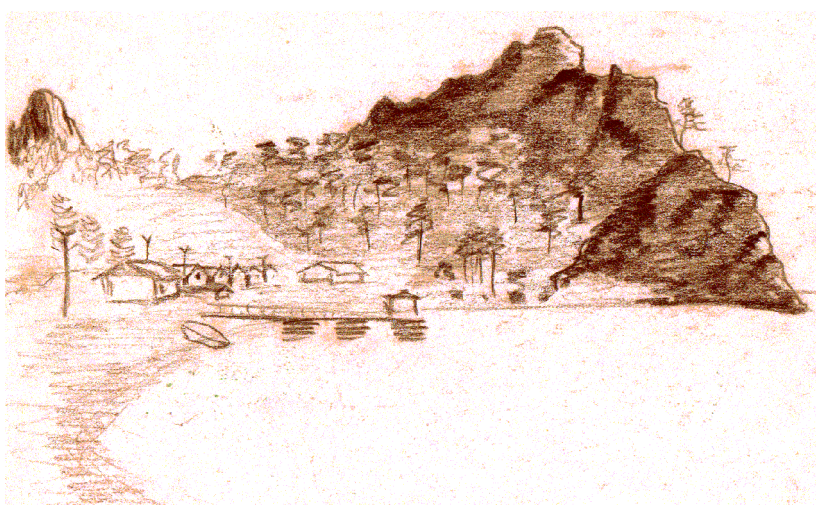
Однажды утром, еще до шести (по Москве), раздается звонок. Звонит из Иркутска секретарь Ю.Н. и милым голоском сообщает мне, что завтра утром из Ливствянки отходит институтский «Титаник», отправляющийся в кругобайкальское путешествие в честь юбилея Ю.Н.Руденко, и я имею место быть приглашенным гостем, не забыл ли, мол. Я спросонья никак не могу понять: Как завтра утром? А как же с билетом? А как успеть оформить отпуск? Это же невозможно! Но, если уж очень хочется, то все возможно! (И как же я упустил: мне обо всем уже было сказано давным-давно!)

Одним словом, успел вылететь в тот же день, правда билеты доставал через знакомых в ... впрочем, этом не важно, где... Но на безрыбье и сам рыбой станешь!..

Прилетел, переночевал в гостеприимном доме Руденко, а наутро – в путь! Путешествие было преинтереснейшим во всех смыслах. Увидеть Байкал весь – вот так «от души» – стало моей мечтой после первой с ним встречи. И мечта эта, наконец-то, сбылась! Мы пробороzdили Байкал с юга на север по западной его стороне, а вернулись назад по восточной.

Именинник был душой общества, а мы с Алексеем Макаровым были «отдушинами». Дело в том, что Ю.Н. собрал в основном своих старинных друзей, с которыми он учился в институте в Ленинграде. Все его очень любили, но каждому казалось, что именно ему уделяется мало внимания, хотя Ю.Н. только тем и занимался, что «обслуживал» друзей. Среди друзей (и не только среди прекрасной половины человечества!) начались буквально сцены ревности. Нужно было спасать положение. Мы с Алексеем начали «отвлекающую психотерапию»: выпускали «корабельную» стенгазету, устраивали концерты самодеятельности, спортивные соревнования, конкурсы народно-туристской песни у костра, на борту создали «кактусерий» из представителей прибайкальской флоры, и т.п. Конечно во всех этих «общественных мероприятиях» Ю.Н. участвовал активнейшим образом.

Этот поход был и очень полезен: мы обсудили массу деловых проблем. (Ведь Ю.Н., вообще-то говоря, не умел отдыхать!)

Бухточка на Байкале (рисунок автора)

ЖИВУЧЕСТЬ: ЖИВУ-ЧЕСТЬ, ЖИВУЧ-ЕСТЬ, ЖИВ – УЧЕСТЬ!

Я начал с каламбура Ю.Б. Гука, изобретенного им на одном из семинаров, посвященных именно проблеме живучести энергосистем. Но это будет много позже. А начиналось все следующим образом.

Однажды после очередного семинара, который проходил в «Интуристе» на берегу Байкала при устье Ангары, мы с Ю.Н. остались вдвоем на пару дней. Он сказал мне, что есть одна идея, о которой нужно поговорить.

Стояли удивительно солнечные мартовские деньки. Мы ходили, жмурясь от солнышка, по двухметровой толще прозрачайшего байкоальского льда. Если приглядеться, то можно было увидеть даже темные силуэты рыб, лениво проплывавшие под ногами, водоросли... Особенно хорошо было видно, если лечь на лед, очистить его от снежной пороши и посмотреть, как смотрят днем в окно избы, прикрываясь руками от внешнего света.

Разговор пошел о живучести систем энергетики, т.е. их способности противостоять «недружественным» преднамеренным воздействиям. Понятно, что супостат не будет громить что угодно, а всегда будет выбирать наиболее уязвимые точки, «узкие места» в системе. Какой должна быть структура системы, чтобы успешно противостоять самым опасным отказам? Такого рода постановок задач в тогдашней теории надежности на то время не было. За общим разговором последовали часы обсуждений, формулировок задач, подготовки плана и разработки «стратегии и тактики» вовлечения заказчиков.

Спустя какое-то время, мы с Ю.Н. в Москве поехали на встречу к некоему важному чиновнику на прием. Идея-таки овладела массами! (А масса у того чиновника была немалая.) «Генерал» (будем так условно называть чиновника) спросил нас: «Знаете ли вы, что надо делать в случае нанесения по стране ядерного удара?» Это было так похоже на начало популярного в то время анекдота, что мы с Ю.Н. невольно хмыкнули. (Кто знает, может, «Генерал» – весельчак?). «Генерал» вопросительно взглянул на нас. Тут меня дернул черт за язык и я продолжил тот известный анекдот до конца: «Надо завернуться в белый саван и без паники ползти на кладбище...» Немая сцена из «Ревизора» в исполнении лучших МХАТовских классиков не пошла бы ни в какое сравнение с тем, что случилось тогда! Благо, опять, как всегда, положение спас Ю.Н. Он сказал что-то типа: «Анекдоты – анекдотами, но мы, кажется, действительно немножко представляем, что надо делать в такой ситуации.»

Получилось, что мы с «Генералом» разыграли перед Руденко анекдотец, дав ему в руки инициативу. Конечно же, заявление Ю.Н. было некоторым преувеличением (в случае массивного удара противника анекдот оставался в силе), но в результате заказ для института был получен.

Проблема действительно была не только важная, но и интересная, хотя, нужно заметить, что «централизация и живучесть – две вещи несовместные», как сказал бы Пушкин на нашем месте.

НАПИСАНИЕ КНИГИ

Уж не помню, когда и как возникла идея написать книгу по надежности в энергетике. Конечно, многое было predetermined семинарами СЭИ по надежности энергосистем: нужна была хотя бы общая терминология, какие-то унифицированные методы расчета надежности, акцентирование на специфических сторонах систем энергетики.

Поначалу писалось легко: каждый дудел в свою дуду, не думая о партнере. (Хотя план всей книги, конечно же, был.) А вот «сшивание» рукописи, редактирование, стыковка глав давались трудно, несмотря на то, что у нас никаких принципиальных разногласий не было. Очень сочувствовали мы тогда Ильфу и Петрову, Ландау и Лифшицу, Карцеву и Ильченко...

В основном вместе мы работали, когда Ю.Н. приезжал в командировку в Москву. Появлялся он у нас доме замотанный, голодный не раньше семи-восьми вечера. Все предложения насчет ужина категорически отвергал. Мы сидели в моем кабинете часов до десяти, после чего я, ссылаясь на головную боль (на чем-то нужно было сыграть!), говорил, что пора бы перекусить... Вконец измученный Ю.Н. наконец-то соглашался...

В период написания книги, когда я приезжал в Иркутск, мы иногда на субботу-воскресенье уезжали на его дачу. Вообще-то Ю.Н. старался проводить как можно больше свободного времени, но как мало его у него было... Гораздо больше мы занимались книгой во время семинаров вечерами, после заседаний. Ох, сколько чудесных байкальских вечеров испортил мне Ю.Н.!

Дача Руденко (рисунок автора)

Книга наконец вышла в формате «роман-газеты» – в мягкой обложке, нелепо большая и нелепого голубого цвета... Читать ее можно было, только сидя за большим письменным (на худой конец, обеденным) столом.

Хорошая ли получилась книжка, не мне судить. Во всяком случае, подобной до того не было. (Хотя это, возможно, аргумент больше против, чем за.) Ее даже собиралось переводить на английский одно нью-йоркское издательство, но умудрилось еще до заключения договора обанкротиться, так что не мы были тому виной...

Книга эта попала на глаза Б.В. Гнеденко, которому понравилась некоторыми совершенно новыми постановками задач. Мы с Ю.Н. встречались с ним в его квартире в главном здании МГУ. Разговор был неспешный, обстоятельный, с чаепитием под Моцарта и домашние печения... Б.В. дал много советов, указал на некоторые математические неточности. Он порекомендовал нам поработать над вторым изданием.

Через три года, в 1989 г. книгу переиздало Сибирское Отделение. Книга получилась более солидной (хотя бы внешне). Мы показали ее в окончательном варианте Борису Владимировичу, он дал нам еще несколько советов и, по нашей просьбе, согласился быть титульным редактором.

Когда я уже преподавал в Университете Джорджа Вашингтона, Ю.Н. сообщил, что будет на каком-то совещании в Америке и прилетит в Вашингтон на один вечер. Естественно, что не заехать к нам он не мог, а к тому же, как он сказал, у него была интересная новость. Прилетел он в Вашингтон. Мы забираем его из гостиницы, привозим к нам домой. Перед ужином Ю.Н. достает нечто завернутое в бумагу, размером с пол обеденного стола, разворачивает и вручает мне огромнейшую папку: «Ну, поздравляю, получили мы с тобой премию им. Кржижановского за монографию «Надежность систем энергетики»! И премия нам положена огромная, как хорошая Государственная – 50 тысяч рублей! Так что при нынешнем курсе рубля причитается каждому из нас по восемь долларов и 40 центов!»

Все комментарии по этому поводу я пропускаю, можете не закрывать глаза и не затыкать уши...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Были ли соизмеримые или даже лучшие организаторы науки в СЭИ? Пожалуй, были... Были ли соизмеримые и даже лучшие специалисты в области энергетики в СЭИ? Да, пожалуй, тоже были (хотя, возможно, по диапазону и уже)... Но чем же тогда брал Руденко? На мой взгляд, тем, что это был руководитель и специалист с удивительно обаятельной человеческой личностью. В этом смысле, он был уникален. Посудите сами. Целеустремленный и даже порой жестковатый руководитель и, в то же время, деликатный и предельно отзывчивый к чужим бедам и трудностям... Высокопрофессиональный специалист, который при общении никогда ни перед кем не показывал своего профессионального превосходства... В среднем довольно скупой и даже суховатый в общении, взрывающийся иногда неожиданными блестящими юмором и остроумиями...

*Ю.Н. Руденко и автор (справа)
на борту институтского пароходика.*

Человек он был предельно честный, принципиальный, бесребренник. Порой он выглядел даже неким Дон Кихотом, кои практически вымерли нынче на Руси... Мне кажется, что избрание его академиком-секретарем Отделения Энергетики Академии Наук было для него роковым... Нельзя антеям отрываться от земли-матушки! Но долг есть долг, а Юрий Николаевич был всегда человеком долга прежде всего.